

Юрий Башмет сам себя выручил

В среду должны были вручать премию имени Шостаковича от Фонда Башмета. Говорят, виолончелистке Наталье Гутман, но ее не оказалось в Москве. И Башмет поменял программу в Большом зале, чтоб зря не пропадал: дал неслыханный сольный концерт с пианистом Михаилом Мунтяном. И посвятил его 25-летию их сотрудничества.

Уже в первом номере — «Пяти старинных французских танцах» Марэ — на сцене творилось что-то невообразимое. Альт у Башмета, если закрыть глаза, звучал совершенно то как волынка, то как орган, то как морской шорох. Пять танцев — пять образов, пять почти видимых картин четырехвековой давности. Маэстро по-прежнему маг. Как под гипнозом слушала публика и раннюю Сонату

Хиндемита, хоть и не привита все еще к этому композитору. Необычно было и все последующее: Вариации Бриттена «Размышление о песне Дауланда «Семь слез», «Сцена прощания и смерти Джульетты» Прокофьева и такая же запредельная по трагической тишине «Павана на смерть инфанты» Равеля (переложения). Наверное, так можно и сердце остановить. Прекрасный, но страшноватый мери-хлюндический транс зала был уместно нарушен великим артистом с помощью брамсовского Скерцо, «Гимнопедии» Сати и вполне иронического кусочка из «Мавры» Стравинского. «Офигительно!» — сказал, выходя из консерватории ровесник башметовских детей. «Да-да, божественно!» — подтвердила какая-то старушка.

Судьба же премии Шостаковича повисла в воздухе на неопределенное время. (Наталья ЗИМЯНИНА)

Всё куд - 2001 -
29 февр. - С.Б.